

А.Л.Гришунин

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕКСТОЛОГИИ**

Научное издание

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького РАН*

Андрей Леопольдович
Гришунин

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Технический редактор *Т. И. Мишутина*

ЛР № 02096117

Оригинал-макет изготовлен
в компьютерном центре ИМЛИ им. А. М. Горького

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Печ. л. 26.00. Тираж 1000 экз.

Специализированное издательско-торговое предприятие «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

Заказ № 3384

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Историческая часть	9
1. Основные понятия	34
Текст	36
Понятие “классика”. Автор, как субъект текста	38
Изменчивость и историческая характерность текста	46
Отрасли текстологии	67
Источники текста	73
Разночтения. Редакции и варианты	77
Метод	79
Вспомогательные науки	93
II. Установление текста	96
“Воля автора”	102
Проблема выбора	105
Анализ и сличение текста	108
Принцип контекста. Суждения по аналогии. “Конвой”	130
Конъектура	136
Проблема цензуры	150
Редакторы	160
III. Текстология и теоретические вопросы литературоведения	167
Текстология как литературоведческое источниковедение	167
Текстология в исследовании закономерностей литературы	179
Изучение закономерностей художественного мышления. “Творческая история”	197
Текстология в историко-функциональных исследованиях	210
Лингвистические аспекты	218
Текстология и интерпретация произведений литературы	226
IV. Вспомогательные разыскания эвристического типа	247
Атрибуция	250

Датировка	278
Локализация	293
V. Эдиционное применение	295
Выбор источника	296
Критическая проверка и исправление текста	302
Типы изданий	311
Научные издания	313
Популярные издания	320
Документальные издания	321
Состав издания	322
Расположение материала	325
Другие редакции и варианты	331
Транскрипция текста	333
Научно-справочный аппарат	349
Комментирование текста	350
Указатели	359
Заключение	360
Примечания	368
Указатель имен	399

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

А.Л.Гришунин

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕКСТОЛОГИИ**

• НАСЛЕДИЕ •
МОСКВА — 1998

ББК 83.3

А.Л.Гришунин.

Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие.— 1998.— 416 с.

ЛР № 02096117

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 97-04-16025д*

ISBN 5-201-133309-6

© А.Л.Гришунин
© Институт мировой литературы
им. А.М.Горького
© Наследие 1998

ВВЕДЕНИЕ

Даже в среде профессиональных литературоведов распространилось узкое представление о текстологии как о прикладном наставлении или учении (Lehre) или иногда — “дисциплине”, связанной исключительно с изданием произведений уже умерших (именно только умерших) писателей. О больших возможностях и общем значении текстологии обычно не задумываются. Выполнение узкой и чисто прикладной задачи стремятся упростить введением жесткой регламентации, инструкций и “правил” установления “канонического” текста, вследствие чего деятельность текстолога представляется незатейливой, чисто технической работой некоего бюрократического порядка (вроде рыбнадзора), с ремесленным подходом и архивистской методикой.

При таком понимании текстология не осознается как филологическая наука и часть литературоведения, а представляется чисто вспомогательным и внешним ее придатком, смесью знаний и практических навыков. Работа текстолога отрывается от работы литературоведа и даже противопоставляется ей. С другой стороны, вся историческая и проблемно-теоретическая часть литературоведения не находит опоры в той конкретно-фактической и методической основе, которую могла бы предоставить ей текстология, если бы в полной мере проявились ее возможности.

Утратилось представление о единой текстологии как науке, и она расчленяется на “уделы”, в зависимости от материала: древняя литература, медиэвистика, литературы нового времени, исторические документы, фольклористика, художественные переводы. Другой классификационный ряд составляет текстология литературоведческая, историческая, лингвистическая... Общие научные интересы и принципы, способные объединить эти области, вспоминаются редко, специфичность же каждой из них допускает свои “правила” и свою регламентацию.

Такое положение не только не верно, но оно и не существовало всегда, а явилось одним из проявлений снижения филологической культуры в известный период, когда были забыты или не приняты во внимание труды выдающихся филологов прошлого; резко снизился уровень филологического образования.

Теперь эти заблуждения в основном как будто бы уже позади. Возвращение текстологии на филологический путь составляет актуальную задачу нашего времени.

Только в последние годы, преимущественно в работах Д.С.Лихачева, в свою очередь опирающихся на труды А.А.Шахматова, обосновывается более широкое — не только прикладное, но и существенное общее значение текстологии и формируется новый взгляд на ее задачи, ее будущее развитие¹. Появились напоминания о традиционном понимании филологии как о критическом изучении текстов, их восстановлении, толковании и комментировании, которое может выступать в качестве подготовительной стадии всего литературоведческого труда². Теперь признается, что текстология, развиваясь, претерпевает существенные изменения, и что “новые аспекты текстологии, несомненно, имеют большое будущее”³.

Однако в заявлениях этого рода мы имеем дело скорее с полусмутным предчувствием, порой с чем-то похожим на заклинания, с обозначением неких авансов, нежели с достоверным и точным знанием. Исследовательские аспекты текстологии мало изучены.

Предлагаемая работа возникла из глубокого убеждения автора в том, что самодовлеющая текстология невозможна, да и не нужна. Принципиально важна связь текстологии с философской категорией историзма. Обоснованию этой мысли, высказанной в трудах Д.С.Лихачева, и посвящена эта книга.

Здесь предпринята попытка прочнее связать текстологию с другими отраслями литературоведения — с теорией и историей литературы, со всеми важнейшими проблемами, которые занимают филолога. Между ними связь существует обоюдная. Поэтому можно было бы и так формулировать тему: “Текстологический аспект в литературоведении”.

Эта новая проблема и новый взгляд на текстологию определенно связаны с тем возрождением, которое переживало с

середины 50-х годов наше литературоведение. От упрощенного, преимущественно тематического подхода к явлениям литературы оно обратилось к всестороннему и целостному анализу, приобретает необходимую цельность и стройность; оно синтетично и включает в себя, наряду со многим другим, и текстологические исследования, без которых изучение литературных процессов на современном уровне едва ли возможно. Текстологическое исследование, углубленное в историю текста, вскрывающее тенденции и отражающее процесс, участвует в осуществлении методологического принципа историзма, который диктует не только координацию литературных оценок и представлений с историческими и социологическими категориями, но и рассмотрение каждого явления в его движении, развитии, связях.

Как часть литературоведения, обслуживающая его, текстология состоит в обоюдной, взаимопроникающей связи с другими его сторонами — историей и теорией литературы, и составляет источниковедческую базу этих наук.

Трудно назвать такое подразделение или проблему внутри литературоведения, к которым текстология так или иначе не была бы причастна.

Текстология не может замыкаться в сопоставлениях текстов и только поставлять факты, а тесно связана с литературоведением, с его разнообразными и общими идеями. В науке вообще важен не столько факт, сколько его значение. Наука, конечно, строится на фактах, но её главное свойство, то, что делает науку наукой, — осмысление фактов и установление их соотношений. “Мой книжный шкаф, — говорил великий физик П.Н.Лебедев, — знает гораздо больше меня, однако он не физик, а я физик”⁴. Добывание факта и его осмысление — процесс диалектически взаимозависимый: без первоначального осмысления невозможно и добывание. Басня “Петух и жемчужное зерно” о том и написана.

Этим определяется место текстологии в системе наук филологических, — её практическая неотделимость от других наук филологического цикла.

Современное литературоведение синтетично. Оно включает в себя (наряду со многим другим) также и текстологические исследования, и это не просто требование “моды”, а совершенно необходимое условие, без которого изучение литературных закономерностей и процессов на современном уровне прямо-

таки невозможно. В текстологии нуждаются история литературы, ее теория; без нее затруднительны сравнительно-исторические и типологические исследования.

Совершенно неправильно и неправомерно отрывать работу текстолога от работы литературоведа и тем более — противопоставлять текстологию литературоведению. Текстология неперменная составная часть литературоведения, а не нечто находящееся вне её. Самодовлеющей, отдельной от литературоведения текстологии не может быть.

По словам М.Верли, придающего большое значение “точной и вдумчивой филологии”, “здесь наиболее конкретно обнаруживается цикличность литературоведческого познания: познание целого опирается на отдельные тексты и места текстов, последние же становятся ясными только из целого”⁵. Он пишет о “неразрывности эстетического толкования, исторического исследования текста и филологической техники, объединенных в *единой* литературоведческой науке”⁶.

Обычное читательское обращение к художественному произведению не задается вопросом о правильности, аутентичности текста. Для науки же текстовой аспект очень важен: произведение литературы существует только в текстовой форме, так что все суждения о произведении опираются на его текст и анализ текста охватывает все вопросы изучения данного произведения. Исследования по истории текстов, написанные не “летописно”, а осмысленно и с объяснением фактов, складываются в историю литературы. Научный, исторический подход к памятнику требует установления его подлинности (критика происхождения), качества доносящих текст источников, обнаружения и исправления ошибочных чтений, восполнения пропусков, отсеечения произвольных добавлений, уяснения смысла произведения в целом, а также отдельных непонятных (“тёмных”) мест; установления времени (датировка) и места (локализация) создания памятника или какой-либо его редакции; установления автора, если он не известен (атрибуция), или исследования вопроса о том, принадлежит ли сочинение тому автору, которому оно приписывается (аттестация). Кроме устанавливаемого основного текста, изучению подлежат редакции и варианты, образовавшиеся вследствие того, что произведение многократно перелдывалось, пока не приняло окончательный вид,— самим автором или редактором, цензурой и т.п.

Имея дело с литературой художественной, текстология является наукой искусствоведческой. Проблемы, аналогичные ее проблемам, возникают и в других видах искусства: в музыке, в живописи, градостроительстве, архитектуре, теперь уже и в кино; готовы перекинуться на радио и телевизионные жанры⁷. Эстетическая природа материала, с которым имеет дело текстология, накладывает на нее особый отпечаток и не может быть забываема. Литература, как вид искусства, бесконечно разнообразна в своем составе и в своих проявлениях, и это делает необходимым относительно её только анализ, а не подчинение “правилам”.

Текстология связана с самыми общими категориями литературоведения; она определенно зависела в своем историческом развитии от литературных направлений и не случайно наивысшего своего расцвета достигла в период господства реализма: именно реалистической литературе текстология оказалась нужнее, чем какой бы то ни было другой. Реализм характерен стремлением к точному наименованию и описанию явлений. Отсюда — богатство оттенков, нюансы выражения, точность стилистическая, особая отделка литературного языка. Это потребовало хорошо разработанной “варьянтологии”, фиксирующей соответствующую работу писателей, и отразилось также на самом значении текстологии и ее исторической судьбе.

Словно бы приспособляясь к этим потребностям (в этом нет ничего нарушающего естественный порядок вещей), становится иной и сама текстология. Обогащаясь новыми понятиями и представлениями, современная текстология входит составной частью в комплексную теоретическую, методологическую проблему литературоведения. Текстологическое исследование, углубленное в историю текста, осуществляет существенную часть методологического принципа историзма, необходимого литературоведению.

Предметом текстологических изысканий может быть и бывает не только правильность, аутентичность текста, а вообще — подлинность исторического известия, доносящего его источника.

Обращение к “истории” неизбежно связано с расчленением и анализом текста не только в его пространственных измерениях, но и во временном. Это и составляет одно из главных заданий, содержание текстологии.

Исследовательское применение текстологии оказывает обратное воздействие на ее самое, обогащая ее методически. Служа большой цели, она, естественно, и оснащена соответственно, имеет доступ ко всему арсеналу литературоведения.

Текстологию, палеографию, стиховедение Д.С.Лихачев называет базовыми дисциплинами филологии⁸; овладение их методами — одно из условий плодотворных филологических штудий. Все общественные науки, доходящие до своего предмета через памятники письменности (Г.О.Винокур), не могут существовать без источниковедческой базы, без текстологии, которая таким образом имеет прикосновение и выходы к существенным, жизненным проблемам всего общества, к проблемам человеческого мышления и духовного процесса вообще. “Чем совершеннее сможет общество реализовать свою вторичную функцию — документирование своей жизни, тем выше в конечном счете будет его самосознание”⁹.

Это подключение текстологии ко всему литературоведческому циклу, к общественным наукам вообще — необходимо углублять; необходимо вопросы текстологии соединять с самыми общими закономерностями литературы и рассматривать их в тесной связи с жизнью литературы, соотнести текстологические понятия с представлением о “жизни” и смерти — о судьбе произведения после его создания в различной читательской среде.

Будь автор более самоуверен и дерзок, — он снабдил бы свой труд эпиграфом из Герцена: “Наука живому передается жизненно, формалисту — формально”¹⁰.

Боюсь, однако, что это может быть принято за претензию и нескромность, а кто-нибудь вообразит еще и личность. Поэтому обхожусь без эпиграфа, хотя слова Герцена выражают именно ту мысль, которую хотелось бы провести: о насущной необходимости неформального понимания задач текстологии и более широкой ее ориентации.

Показать текстологию как дело живое, творчески выполняемое филологами, а не нотариальной конторой, — одна из задач исследования.

Б.М.Эйхенбаум, по словам П.Н.Беркова, кроме известных его “Основ текстологии”, задумывал особый текстологический труд, основанный на личных воспоминаниях...

Автор этих строк был очевидцем и участником текстологических схваток, чернильнопролитых и жарких — особенно

ввиду идеологических и политических страстей, которые иногда пытались увязать с текстологией; участвовал в научных изданиях Грибоедова, Герцена, Тургенева, Некрасова, Чехова... Не могу сказать, что всё основываю на личных воспоминаниях, но отдельные мемуарные вкрапления не исключены.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Историческое развитие текстологии тесно связано с закономерностями развития общественной жизни, науки и культуры и определяется ими.

Будучи прежде всего филологическим прочтением и критическим анализом текста, текстология основывается на филологии и нередко в прошлом носила наименования: практическая филология, текстовая филология, филологическая критика, критика текста и т.п. И наоборот: основой филологии всегда было исследование и понимание текстов.

Но исторически, как и всякая наука (астрономия, геометрия), текстология развивалась из потребности практической.

Уже в III-II вв. до н.э., когда формировались библиотеки Александрии и Пергама, потребовалось приведение в наличность популярных произведений, сохранение их от гибели, порчи и искажения. Приходилось отличать подлинники от подделок, появлявшихся из корыстных соображений, то есть проводить определенную филологическую, текстологическую работу. Позднее были попытки присочинить недостающие части известных античных сочинений (Ливия, Петрония и др.).

Неисправность текстов классических сочинений была замечена очень рано. Гораций приходил в отчаяние от ошибок в латинских книгах. То же отмечал Цицерон. Античные филологи (так называемые грамматики) рано осознали необходимость заботиться об исправности текстов. Они же создали для обозначения своей деятельности и термин "критика" (от греческого "κρίω" — исправляю, проверяю). Аристарх (II в. до н.э.), ученый Александрийской эпохи, занимался исправлением и толкованием, комментированием гомеровских поэм и других греческих сочинений, стал основателем филологи-

ческой школы и “великим учителем критики и экзегетики”, как говорится о нем в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрон¹.

Издревле существовала особая научная дисциплина, в сущности текстологическая, носившая название “библейская критика”. Люди старались выяснить подлинность ветхозаветных и новозаветных сочинений и обстоятельства их происхождения; установить правильное чтение их текста, объяснить содержание. Поскольку до изобретения книгопечатания церковные книги переписывались от руки с неизбежными искажениями и ошибками, — накопилось много пропусков, вставок, еретических подлогов и апокрифов.

Собственно, критиками текста были уже древние богословы и философы, исследователи древних языков — семитских, древнегреческого, латинского. Таковы Цельс (II в. н.э.) и римский философ Порфирий (III в.), отметившие противоречия и анахронизмы в ветхозаветных и новозаветных текстах.

Сочинения Цельса и Порфирия, дошедшие до нас только в цитатах, сами стали объектами мозаичной работы полемизировавших с ними более поздних авторов, в частности, александрийца Оригена (ок. 185–254), одного из первых деятелей библейской критики, сличавшего греческий перевод Ветхого Завета с еврейским подлинником.

В средние века, при невежественных, малограмотных переписчиках, положение стало еще худшим. Памятники античной культуры при господствовавшем тогда фанатизме вообще не ценились и скорее считались “вредными”, уничтожались.

Но переводы и списки Ветхого и Нового Заветов стали расходиться с древними еврейским и греческим подлинниками. “Отцы церкви” были озабочены точностью воспроизведения текстов Писания. Блаженный Августин (345–430) в сочинении “De doktrina christiana” изложил правила церковного экзегеза, настаивая на необходимости знания древних языков, истории, философии, математики, естественных наук, — способствовал приданию библейской критике научного характера.

Распространившиеся по всей Европе (с XII в.) ученые раввины вынудили христианских богословов к полемике с ними, вследствие чего критическое изучение Библии оживи-

лось. Итальянский гуманист Лоренцо Валла (1407–1457) создал ее новую критическую обработку.

В XVII–XIX вв. развилась отрицательная критика Библии богословами протестантского вероисповедания и философами-материалистами. Б.Спиноза (1632–1677) настаивал на принципе научного, имманентного анализа библейских книг, исходя только из собственно текста, минуя комментаторские и прочие наслоения. Критиками Библии выступили также И.С.Землер (1725–1791), Г.В.Ф.Гегель (1770–1831). Д.Ф.Штраус (1808–1874) в книге “*Leben Jesu*” (1835) признал достоверными только немногие факты из Евангелия. Сочинения Штрауса и его продолжателей вызвали к жизни обширную литературу опровержений. Острая полемика вокруг Библии не прекращалась вплоть до нашего времени.

Соответствующая деятельность развивалась у восточных народов: в Индии — для точного понимания вед, у средневековых арабов — для толкования Корана.

Новое историческое сознание в эпоху Возрождения вызвало стремление к восстановлению первоначального вида памятников античной культуры. “Стремление сохранить культуру в старых формах или даже восстановить эти старые формы, реконструировать их — явление нового времени, нового исторического сознания”, — пишет Д.С.Лихачев². Текстология стала обслуживать все гуманитарные сферы, имеющие дело с текстами, например, юридические науки. Основателями текстологии в новое время стали англичане Р.Бентли (1662–1742) и Х.Порсон (1759–1808); в Германии — И.Рейске (1716–1774), Фр.-А.Вольф (1759–1824), основавший теорию происхождения “Илиады” из народных песен; Г.Герман (1772–1848).

С возникновением книгопечатания наука стала включать в свою сферу и тексты новейших писателей. В отличие от классической филологии, эта сфера деятельности получила наименование: неофилология. Относительно драм Шекспира в Англии Л.Теобальд (1688–1744) в специальном труде “*Shakespeare restored*” (1726) требовал научной критики текста и сам начал ее по образцу классической филологии и имел последователей (С.Джонсон, Г.Стайнвенс, Э. Малон). Но судьба текстов Шекспира представлялась особым случаем, отнюдь не типичным. Распространившаяся к началу XIX века рационалистическая критика оценивала произведения с точки зре-

ния внутреннего правдоподобия, мало интересуясь степенью исправности текста и его историей. Имело хождение наивное убеждение в непогрешимости печатной продукции, не нуждающееся будто бы в специальном установлении текста. Любой экземпляр какого-либо авторизованного издания считался равноценным, отражающим волю автора; разночтения если и замечались, то игнорировались как незначительные, а исправления вносились — приблизительно, с точки зрения внутренней достоверности и “логичности” текста — посредством конъектуры и домысла. Неисправности текста даже величайших писателей оставались необнаруженными и накапливались от издания к изданию.

“Филологический” XIX век широко развил текстологические исследования, прежде всего на материале древних литератур. Представители исторической (историко-филологической) школы при анализе произведения исходили прежде всего из текста его; особое значение придавали изучению источников, сравнению однородных мотивов у предшественников и последователей. Берлинский профессор И. Беккер (1785–1871), создатель многих изданий греко-римских классиков, свой критический метод основывал на принципе “традиции”, прослеживании генеалогии рукописей, отделении самостоятельных источников от зависимых и отыскании “архетипа”. Эпигоны Беккера, увлеченные его идеей, упростили дело, насильственно сводя всю совокупность источников к единственной рукописи, без глубокого анализа источников и установления их подлинной филиации. Существовало упрощенное представление о работе древнего автора, переписчика и т.п., будто бы пользовавшегося неизменно одним источником.

Немецкий историк Леопольд фон Ранке (1795–1886) применил филологический метод, близкий к критическому методу Беккера, к обширной области исторических исследований.

Ранке работал исключительно по источникам, на архивном материале, отличался объективностью, методичностью, точностью и мастерством критики источников. Задачей исторического исследования он ставил — показать, как в действительности происходили события (“wie es eigentlich gewesen”). Свой метод он описал в труде “Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber” (1824).

Как и Беккер, первой задачей критики Ранке считал отыскание “архетипа”. Идеально архитипическим свидетельством должно быть показание современника, современная версия событий.

Но всякое историческое свидетельство передает не сам факт, который перестает существовать сразу же после свершения, а только его отражение, только впечатление от него, сложившееся у автора. Факт таким образом оказывается преломленным в голове автора и в его передаче — в соответствии с его мировоззрением и тенденцией. По мере того, как авторская версия передается другим, третьим и т.п. передатчикам, — этот субъективный элемент наслаивается и усиливается, еще более искажая освещение факта.

Задачу исследователя Ранке видел в отделении этого субъективного слоя и в установлении традиции в ее чистом виде. Он делал это исходя из индивидуальных свойств автора, взвешивая все обстоятельства и условия его жизни. Выполнение этой задачи, по мнению Ранке, требует от исследователя не только конкретных знаний, но и философского воззрения, творческой фантазии и присущего людям искусства умения художнически представить и воспроизвести изучаемое явление.

Далее Беккера пошел знаменитый филолог Карл Лахман (1793—1851). Он создал теорию “общих ошибок”, которые должны были свидетельствовать о сходном происхождении рукописей. В специальных трудах и в предисловиях к изданиям он установил методику критической обработки текстов древних латинских поэтов, а также Гомера, Нового Завета и др., впервые применил принципы античной текстологии к литературе немецкого Средневековья³.

Первой задачей критического издания текста Лахман называл установление его рукописного предания (*recensio*) при помощи прямых источников (рукописей) и косвенных (извлечений и цитат из восстанавливаемого текста, переводов, изложений и т.п.). Установив из совокупности этих источников (путем их сравнительного изучения) наиболее достоверную форму восстанавливаемого текста, Лахман приступал к исправлению его от искажений (*emendatio*). В этой работе он опирался на широчайший круг сведений, привлекая данные языка, метрики (для стихов), логику развития мысли, учитывая стилистические факторы. Последнюю ступень развития